

7. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М., 1988.
8. Левый, И. Искусство перевода / И. Левый. – М., 1974.

Источники фактического материала и принятые сокращения

1. Акунин Б. Алтын-толобас: Роман. – СПб.: Изд. Дом “Нева”; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. [А]
2. Akunin B. Die Bibliothek des Zaren. – München: Wilhelm Goldmann Verlag. – 2005. [А]

Е.П. Иванова

ДВОЙНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА (на материале словарного текста)

Санкт-Петербургский государственный университет

Теория двойной артикуляции восходит к функциональной лингвистике А. Мартине, где под двойной артикуляцией подразумевается специфическая организация естественного языка, в соответствии с которой любое высказывание, понимаемое в широком смысле, т.е. фразы, синтагмы, слова, и т.д., артикулируется в двух планах. На уровне первой артикуляции высказывание артикулируется с помощью единиц, наделенных смысловым содержанием и звуковым выражением (монемами или морфемой). На уровне второй артикуляции монема, в свою очередь, артикулируется с помощью дистинктивных единиц, лишенных смысла (фонема). Двойная артикуляция, согласно Мартине и его последователям, выступает как особая характеристика языка, отличающая его от других коммуникативных систем. Идея двойной артикуляции оказалась чрезвычайно плодотворной и дала импульс в развитии теории не только лингвистики, но и других гуманитарных дисциплин. Так, например, Леви-Стросс экстраполирует понятие “двойной артикуляции” в область структуральной антропологии. В своей книге “Le regard éloigné” (книга до настоящего времени на русский язык не переведена) он посвящает целую главу “урокам лингвистики”, где подробно рассматривает элементарные единицы мифического дискурса (“мифемы”) [1]. С точки зрения стандартного немифического дискурса изолированные мифемы обладают смыслом, но в контексте мифического рассказа лишаются его. “В обыденной речи *солнце* представляет собой дневное светило, но взятое как само по себе и самостоятельно, мифема “солнце” не имеет никакого смысла. В соответствии с мифами, которые выбраны

для рассмотрения, солнце может покрывать самое разное понятийное содержание. Действительно, когда *солнце* появляется в мифе, никто не может заранее сказать, какова его индивидуальность, его природа и функции. Только в корреляции и оппозиции, в которые оно входит с другими мифемами внутри мифа, может выявиться его значение. Оно напрямую не принадлежит никакой мифеме, а представляет собой результирующую их комбинации” (перевод наш) [1: 199]. Таким образом, для Леви-Строса мифема, первоначально артикулируемая на уровне общей лексики как единица, обладающая значением (хотя он и употребляет термин смысл), одновременно выступает как единица второго членения с характерной звуковой формой и лишенная смысла с точки зрения мифологического дискурса вообще, которая снова приобретает индивидуальный смысл, как только попадает в соответствующий мифический контекст, т.е. артикуляция для Леви-Строса состоит не в разбиении макроединицы, коррелирующей со смыслом, на минимальные единицы, обладающие звуковой формой *в линейной последовательности*, а в реализации различного рода отношений одной и той же единицы, в которые она вступает со своим окружением в зависимости от дискурсивной специфики *в вертикальном членении*.

В свою очередь, словарный текст также есть отображение культурного контекста, а процесс пользования им есть в определенной степени рефлекс тех закономерностей, по которым мы распознаем язык. В этом смысле общий блок словаря распадается на фрагменты, каждый фрагмент (=словарная статья) нацелен на представление слова, при этом искусственно выделяя два стратификационных уровня: дефиниция как границы значения слова, и пример как актуализация его смысла в связях с другими словами. Таким образом, речь идет о принципе двойной артикуляции в рамках словарного текста как представления языковой системы, который реализует себя через взаимосвязь и неразрывность дефиниции как результата семантического разложения лексических единиц, изъятых из реального дискурса, и примера, в котором слово возвращается в свое синтаксическое и лексическое окружение и актуализирует отдельные компоненты своего значения.

Особого внимания, как представляется, с точки зрения культурного контекста заслуживает именно зона примеров, которая, являясь функциональным элементом в системе словарного текста, обладает вариативностью конвенционально установленных формально-содержательных характеристик и выступает полифункциональным языковым и композиционным средством представления итогов культурного опыта социума, информации о характеристиках слова, используемой в процессе общения, а в совокупности со словарной дефиницией является отражением принципа двойного членения семиотической системы языка. Зона примеров играет огромную роль в представлении семантики лексической единицы, с ее помощью слово оказывается погруженным в реальный узус и тем самым раскрываются возможные смысловые и понятийные связи слова, демонстрируются типо-

вые условия его использования в речи, предоставляется дополнительная информация, не представленная в дефиниции. Изучение словарных примеров, выполненное в исторической перспективе, со всей очевидностью свидетельствует о том, что в каждом словаре отражается своя “идеологическая стратегия” в области использования примеров, в частности, в определении приоритетов при их отборе, а в функциональной многоаспектности примеров следует особенно подчеркнуть нагрузку, которую пример актуализирует как носитель определенной культурной информации, выявляющей социально и исторически важные для представителя языкового коллектива аспекты, и, с другой стороны, как типизированный контекст, актуализирующий интертекстуальные связи.

Библиографический список

1. Levi-Strauss, Cl. *Le regard éloigné* / Cl. Levi-Strauss – Paris: Plon, 1983. – 398 p.

Е.М. Бондаренко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА ОБОЗНАЧЕНИЙ ЕДЫ, НАПИТКОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКSIКЕ КАНАДСКОГО АНГЛИЙСКОГО

Теологическая Семинария Ев.-Лют. Церкви (Санкт-Петербург)

Системное описание региональной лексики канадского английского позволяет определить характер парадигматических отношений между элементами низовой страты данной формы существования английского языка, а также связи с единицами общеканадского вокабуляра, относящимися к стандартному лексико-семантическому фонду. Осуществляя анализ региональной лексики в данном направлении, необходимо иметь в виду, что канадский литературный стандарт не является наднациональным языковым образованием. А.И. Домашнев отмечает, что “в результате языковой “диверсификации” в странах английской речи уже давно отказались от “фикции” так называемого единого стандарта английского языка” [2: 75]. Это означает, что канадский национальный стандарт привлекает обширные территориальные лексические ресурсы для удовлетворения широких номинативных потребностей. Данный процесс представляет собой своеобразную “форму адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям” [1: 39] канадцев. Регионализмы английского языка Канады, становясь частью территориального стандартного узуса,